

ИНТЕРВЬЮ С КНИГОЙ В РУКАХ

И это снилось мне, и это снится мне,
И это мне еще когда-нибудь приснится,
И повторится все, и все доволотится,
И вам приснится все, что видел я во сне.

Там, в стороне от нас, от мира в стороне
Волна идет вослед волне о берег биться,

Какие светлые, человечески мудрые стихи! Любящим поэзию Арсения Тарковского снова драгоценный подарок от него — книга стихотворений последних лет, выпущенная «Советским писателем». Помните, первая, изданная в 1962 году, когда ее автор уже отметил свое пятидесятилетие, называлась «Перед снегом». И вот сейчас — «Зимний день», и выдался он не мглысто-сумрачный, не ледяющий душу холодом, но ясный, высокий зимний день жизнелюбия и жизнелюбия — «Мороз и солнце; день чудесный!», — день легкой, светлой печали, когда вослед раздумьям о бренности всего сущего ложатся на белый лист иные строки:

...Как мимолетное
виденье,
Опять явилась Муза мне,
И лестницу мне опустила,
И вывела на белый свет,
И леньность сердца мне
простила,
Пусть хоть теперь,
на силоне лет.
— Предпослав строки Пушкина некоторым своим сти-

хотворениям, вы объединили их в небольшой цикл «Пушкинские эпиграфы». Но и в других ваших произведениях, где вроде бы отсутствуют прямые опознавательные знаки, указатели на некий исток стиха, — и там ощущаешь следование пушкинскому началу.

Арсений
ТАРКОВСКИЙ,

Хочу спросить вас, Арсений Александрович: как вы полагаете, чем вызван тот поистине асенародный интерес к слову Пушкина, его судьбе, личности, та потребность в общении с ним, которые столь заметны сегодня и у читателей, и у литераторов? Воистину ныне любви к Пушкину «...все возрасты покорны...» ее порывы благодатны... — какой-то невиданной силы и высоты новая пушкинская волна.

— Пушкин... Все будущее русской поэзии заключено в нем. У него можно найти... даже Заболоцкого: «...Вот череп на гусиной шее вертится в красном колпаке...» — узнаете страшный сон Татьяны? А ведь типичный Заболоцкий, правда? Удивительно, но в нем есть все: весь путь русской

«ВОЛНА ВОСЛЕД ВОЛНЕ»

поэзии предугазан Пушкиным. Несмотря на то, что, казалось бы, непосредственных учеников он не имел. Подражатели — более или менее слабые — были, а продолжатели — нет. Я верю: гений приходит для того, чтобы затворить ворота за своей эпохой. Пушкин усвоил то, что было до него — и Державина, и Батюшкова, и Жуковского, усвоил и закрыл за собой ворота на замок.

Пушкин — развитие русского языка, его опрощение, демократизация, свобода. Он трудно переводим и в переводе выглядит гораздо слабее, чем в оригинале, и именно потому, что очень связан со стихией языка. Пушкинское наследие — пример сплава самой высокой пробы, когда в наилучшем соотношении расторгимы три элемента, которые составляют предмет искусства поэзии: жизнь, язык, личность творца. Разве поэзия Пушкина — только написанные им стихи? Нет, конечно: его поэзия — созданное им, но и он сам, творящий шедевры и творящий мир, он — человек, он — личность, он — друг декабристов (кстати, я прочел только что новую интереснейшую книгу Н. Эйдельмана «Пушкин и декабристы»), его судьба и его гибель — все это есть поэзия Пушкина. И такая совершенная поэзия!

Стихи Пушкина всегда на диво сгармонированы. Только очень немногие поэты (я назвал бы троих: Пушкин, Баратынский, Ахматова) обладали таким поразительным чутьем, таким редким даром гармонического построения. Это воистину чудо, когда каждое стихотворение становится почти зримым, как голографическое изображение. Вы его видите, вы его ощущаете. Не знаю, как это получается, очень хочется так писать, но труднодостижимо.

Сегодняшний повышенный интерес читающей публики к Пушкину, увлечение им, или, как вы сказали, новая пушкинская волна, — явление есте-

ственное. Одни осознанно, другие подсознательно чувствуют в Пушкине гармонию, к которой человеку свойственно стремиться, человек всегда ментал обрести гармонию с миром.

Я приехала к Арсению Александровичу в Переделькино. В Доме творчества было тихо, дверь в его комнату оказалась приоткрытой, и еще только подходя к ней, я услышала машинку. Тарковский писал письмо своему старому бакинскому другу поэту Расулу Рзе. Он отрывал руки от клавиш машинки, чтобы достать в очередной раз сигарету. Усадив меня, он вдруг стал за-

жигать свечу. «Вы не знали? — сказал он, заметив мое удивление. — Свеча что-то удивительное делает с дымом, она его то ли укрощает, то ли облагораживает». Так мы и беседовали, при свете дня и при свече.

С Расулом Рзой, письмо к которому сочинял Арсений Александрович, его связали много лет назад узы переводческого дела. Без малого уже пятьдесят лет занимается Тарковский художественным переводом. Его пером воссоздана в русском языке восточная классика — Махтумкули, Абу-ль-Аля аль-Маарри, каракалпакский эпос «Сорок девушек». Истинные ценители грузинской поэзии называют имя Тарковского среди блистательных мастеров перевода, отмечая его переложения произведений народного творчества, старых и современных художников страны волшебных гор.

Именно так — «Волшебные горы» — назвал он свой одномыслик переводов с грузинского и собственных стихов, который вышел в издательстве «Мерани».

И вдруг из новой книги «Зимний день» узнаю, что Тарковский решил... больше не заниматься переводом. Может быть, я неправильно поняла его стихотворение «Как тот Кавказский пленник в яме...»?

— Хотел, верно. Я давно ничего не переводил. В «Волшебных горах» собраны работы за четыре десятилетия. С Грузией у меня давние, очень добрые отношения. Я дружил с Симоном Чиковани.

В стихотворении «Ласточки», которое вошло в «Зимний день», есть такие строки: «...И Симон Чиковани (А я любил его, и мне он был как брат)...»

— И вот когда кончилась моя война — я вышел из госпитала зимой 44-го года, — он пригласил меня к себе в Тбилиси. Я жил там довольно

долго и переводил Чиковани, Леонидзе, Галактиона Табидзе, но его неудачно, потому что он трудно поддается переводу. И потом мы какого-то разного душевного строя, а может быть, я не сумел отыскать к нему ключ. Вот и мой младший коллега Владимир Леонович назвал свои переводы из Галактиона — вольными.

— Что вам, как сочинителю, стихотворцу, дает проникновение в тайны иного художественного мира?

— Перевод — это школа. Перевод дает свободу обращения с техникой писания стиха, дает умение точно выражать мысли, идею замысла, волевым невольем научаешься владеть

формой... Я всегда стоял на точке зрения наибольшей близости к иноязычному оригиналу, его духу, его букве. Долг переводчика, мне кажется, прежде всего информативный. В этом случае моя личность меньше всего интересна читателю. Нужно уважительно и скромно относиться к этой своей ответственной миссии и не навязывать автору подлинника собственный взгляд на поэзию, собственное понимание ее сущности, со всеми вытекающими из этого последствиями, со своими метафорами, со своими художественными приемами. Я считаю: перевод по возможности должен быть буквальным. А когда имешь дело с большим поэтом, с большой поэзией, то это всегда возможно и, думается, необходимо. Тут требуется особая точность. Вот в Абу-ль-Аля аль-Маарри только полстрочки добавлено мной, и то я мучаюсь, что посмел сделать такое добавление. Я переводил книжку полтора года. Безумно трудная была работа. Потому что все стихи великого арабского поэта — свод мыслей, очень четко выраженных, и каждое стихотворение идет на монорифме...

Да, думал отказаться от переводов вообще и написал об этом в стихах, но... Сейчас перевожу татарского поэта Тукая. В «Зимний день» Тарковский включил два стихотворения, посвященных Григорию Сковороде. К одному из них эпиграфом взята знаменитая автоэпиграфия украинского философа: «Мир ловил меня, но не поймал». Григорий Сковорода, насколько я понимаю, привлек Тарковского своим подвижническим служением добру, красоте, своей неутомимой жаждой духовности. Ведь именно высокую духовность, ее огонь, озаряющий жизнь, ценит поэт прежде всего в искусстве.

Вы, жившие на свете для меня, моя броня и ирванная родня

От Алигьери до Скиапарелли,
Спасибо вам, вы хорошо горели.

Горел, светил людям и Григорий Сковорода.

— Я узнал о его существовании, когда мне было семь лет, — рассказал Арсений Александрович. — Мой отец, народовец — восьмидесятник, находился в ссылке неподалеку от Якутска и там подружился с украинским социал-демократом Афанасием Ивановичем Михалевичем. Когда срок их пребывания в суровом краю наконец истек, Михалевич решил вернуться вместе с отцом в наш город Елизаветград — ныне Кировоград. Вот он-то и читал мне Сковороде — басни, лирику и много рассказывал о его скитальческой жизни. Лирники на Украине пели его песни, которые глубоко ушли в народ. Чудо какое он сам и его творчество! Я очень люблю его перечитывать.

— Кого еще из поэтов вы перечитываете?

— Баратынского. У него на редкость точный эпитет. Например: «Твой озябнувший очень четко выраженных, и каждое стихотворение идет на монорифме...»

Да, думал отказаться от переводов вообще и написал об этом в стихах, но... Сейчас перевожу татарского поэта Тукая. В «Зимний день» Тарковский включил два стихотворения, посвященных Григорию Сковороде. К одному из них эпиграфом взята знаменитая автоэпиграфия украинского философа: «Мир ловил меня, но не поймал». Григорий Сковорода, насколько я понимаю, привлек Тарковского своим подвижническим служением добру, красоте, своей неутомимой жаждой духовности. Ведь именно высокую духовность, ее огонь, озаряющий жизнь, ценит поэт прежде всего в искусстве.

Вы, жившие на свете для меня, моя броня и ирванная родня

верю, что в стихах чувство должно быть поверено разумом, а мысль — чувством. Это главное. В этом суть слова художника. Это обязательное условие его участия в жизнетворении, в переустройстве самосознания человека.

— Вы завершаете «Зимний день» неожиданной для вас иронической поэмой «Чудо со щеглом». Она имеет подзаголовок «Поселковая повесть» — не сельская, «поселковая», и рядом эпиграф из Шекспира, из «Макбета». вещь настолько непривычная для вас, что если бы мне показали ее, не называя автора, никогда бы, наверное, не угадала, что она написана вами.

— Мне захотелось вдруг продолжить традицию «Домика в Коломне», «Тамбовской казначейши». Захотелось написать веселую, шуточную вещь. Но вы, может, заметили, что там есть не только смешное... А что-то есть даже в духе фантазии Козьмы Прутова, под его влиянием написанное. Помните, когда хозяйка гово-

рит: Меня казнят — и пусть За Летой пребудет тень.

Я болел и хотел как-то развеселиться. Вот и сочинил такую веселость с... долей грусти.

Слушать Тарковского — наслаждение, и не меньшее, чем читать его стихи (не знаю, удалось ли мне передать это в столь кратком изложении нашей долгой беседы). И в рассуждениях своих, в том, что он говорит и как говорит, — все те же, что и в поэзии его, драгоценные несуетность, естественность чувств, неспрадных, выношенных мыслей, интонации.

Я собралась уходить. Тарковский сел продолжать письмо Расулу Рзе. «Поэт нужен остальным людям, — писал он, — чтобы познание сущности жизни, добра, правды было легче и устойчивей, чтобы противоречия, с которыми мы сталкиваемся на своих дорогах, не казались нам непреодолимыми...»

Интервью вела
Ирина РИШИНА